

Денис СОРОКОТЯГИН

Денис Сорокотягин родился в 1993 году в Екатеринбурге, окончил Свердловский мужской хоровой колледж (пианист) и Екатеринбургский государственный театральный институт. Актер театра и кино, режиссер, драматург, художественный руководитель «DAS-театра», педагог по актерскому мастерству и вокалу, автор учебных пособий для детских музыкальных школ. Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Публиковался в журналах «Знамя», «Нева», «Волга», «Новый мир», «Дружба народов», «Урал» и др.

ТАК И НЕ СНЯТОЕ КИНО

Этюд

Он знал, что ещё рано, что и не нужно об этом думать, думать значит призывать события, торопить их, кликать не радость (об этом он в последнее время думал мало), а звать беду. Все могло кончиться для него в любой момент, как, впрочем, и для каждого из нас, но он не думал о каждом. Думал только о себе. Наступило такое время – призывное. Либо ты думаешь о себе, либо не думаешь, и тогда время призывает тебя, берет в расход. А он так и не снял фильм. Написал книгу, вырастил как мог сына, который как может растит уже своего сына, он стал дедом, но как оказалось, время, отправив его в отставку, выкинув на обочину жизни, как он думал, вдруг вспомнило о нем и нашло его в своих призывных списках, но пока не призвало к ответу, и он может успеть снять кино. Пусть это будет вдали от дома. Там, где он не молодой и не старый, промежуточный, может быть в относительной безопасности, где время, окинув своим новым, все тяжелеющим взором, не увидит его ни с первого, ни со второго раза.

Он прилетел в Душанбе. Когда-то он уже бывал здесь. Выйдя из самолёта (вопросы на паспортном контроле – зачем, почему, на сколько дней, есть ли обратный билет, ответы (как у доски) – по работе, вернусь, да, конечно, он не стал говорить, что едет снимать кино, он, вообще, об этом никому, ни слова), спускаясь по трапу, он жадно глотнул таджикский воздух с примесью пыли, серый воздух, здесь не о блёклости и бедноте, а о цвете восприятия, фактуре ощущений. Он помнил, что его всегда здесь кормили, как говорят, до отвала, это пере-ощущение он нигде больше не испытывал, только на этой земле. Здесь же он напивался, как говорится, «до чёртиков» (кто был этим чертом? он сам?), что делал в своей жизни крайне редко, может быть, это было всего один раз, когда жена сказала ему, что больше не может, и уже все про него и про себя давно поняла. Уйдя от него, она называла тот прощальный, ставящий все по местам (повторюсь – для неё) день самым счастливым в жизни. Кто-то передал ему это, по доброте душевной, и тогда он напился. Ни резюмирующие, острые как скальпель реплики, ни всё это мелодраматическое «прости-прощай» не взволновали его так, как этот «самый лучший день». Это было пьянство отчаяния. В Душанбе, когда-то давно, в прошлой жизни, он пил от нахлынувшей радости, находясь в компании малознакомых ему людей, и будто бы сам был не до конца себе знаком. Дастархан ломился от закусок, каждый норовил подлить ему, слеза соловья – обычай, чтобы рюмка при каждом новом тосте была полной, не оскудевала. Нет, он не был душой компании, два-три слова, поддерживающие разговор, но весь его вид, светлый, тёплый, опять речь о фактуре ощущений, внушали окружающим какую-то уверенность во всем сказанном в этот вечер, давали право на праздное пиршество в эти последние, горящие времена, он излучал странное спокойствие и силу. Ноги затекали от долгого сидения в неудобной позе, он выходил из дастархана и уходил

подальше от людей звонить, он звонил, как обычно, своей бывшей жене, набирал номер, снова и снова, забыв, что абонент давно сменил номер телефона, мужа, и того, кто был после него, и, впрочем, это не его дело. Это все не войдёт в фильм.

Зачем снимать кино про себя? Это сможет каждый, как и написать книгу о самом себе. Речь не о качестве текста, а о рассказанной истории. Прожитая жизнь, пусть и не богатая на события – уже сама по себе весомый повод для фильма, остальное в руках режиссёра – загубить эту маленькую жизнь или, наоборот, превратить житейскую правду в крепко сколоченный кино-миф, от которого нельзя будет оторваться. Если бы нашёлся такой режиссёр, оператор, которым бы он смог доверить свою не молодую, не старую, промежуточную жизнь, тогда бы все срослось. Но таких нет. Поэтому он будет снимать сам – своё кино – ни о себе – ни для кого. Он решил, что никому не покажет снятый материал, должно же быть в его жизни что-то такое, что принадлежит исключительно ему.

Нужно было поторапливаться. Снимать, а не пить с друзьями, складывая свои промежуточные, негнувшиеся ноги на дастархане, затекающие теперь уже гораздо быстрее, чем в прежние времена, варикоз, малоподвижный образ жизни, одышка и прочее, прочее. В новый приезд он пил, но не пьянел, не звонил жене, не по причине отсутствия побудительного на звонок хмеля, просто жена умерла полгода назад, просто ее призвало к себе время, и она не смогла ничего ему (времени) ответить, после этого он (готовящийся к съемке) стал думать только о себе, о своём призыве, конечно, он скорбел, даже плакал, как без этого, сблизился с сыном, с которым бывали тёрки, но после смерти мамы-бывшей жены их отношения будто бы наладились, они попытались понять друг друга. Сын, успевай жить, уделяй внимание своему сыну, жене, не избегай их, ты не заметишь, как быстро время объявит свой призыв, ты даже не заметишь, как это наступит, – говорил отец сыну. Учил его, неуместно и запоздало. А сын отвечал: «Мне уже будет все равно. Правильно?» Отец молчал и крутил в своей голове ленты не снятого за жизнь киноматериала.

Он гулял по берегу. Вокруг были горы, серые, как и воздух. Женщина гуляла с коровой (зовут Снежок, серо-белая в чёрную крапину), держала ее на длинной веревке, струящейся как змея по земле, веревка волочилась за коровой и поднимала пыль. Было прохладно, быстро вечерело, и казалось, что земля дышит, изо рта у неё шел пыльный пар. Он хотел было погладить корову, но та нервно замахала ушами и попятилась, обычно животные тянулись к нему, не боялись: собаки, кошки, птицы, белки. – Она ждёт телёнка, потому боится вас, – сказала женщина, мирно улыбнулась и поспешила увести корову подальше. Он кивнул и про себя подумал, что он как корова, тоже ждёт свой фильм, вынашивает его и боится, что так и не сможет его снять, и, вообще, почему он решил, что он – режиссёр, откуда это знание? Даже земля перестала дышать, ни пылинки, даже земля будто не верит ему, не верит?

Он хотел снимать свой фильм на камеру телефона, получалось неплохо, качество съёмки позволяло. Он навёл камеру на горы, приближал, отдалял, выстраивал картинку, крутил настройки цвета и света, но ему ничего не нравилось, он чувствовал, что готовность снимать «здесь и сейчас», приход Божественного вдохновения в нем напрочь отсутствовали, лишь одно принуждение, вызванное страхом не успеть. А может быть, бросить уже это все, и вниз туда, в обрыв, а потом в реку. Нажать кнопку гес и довериться лучшему режиссёру – его отсутствию – падать и ничего не играть, все будет сыграно за тебя. Когда-нибудь твой телефон, если ему будет суждено выжить (в отличие от тебя), найдут и увидят то стремительное, оборванное кино про тебя, его посмотрят в отсутствии героя и ничего в нем не поймут, как и всегда. Поэтому нужно снимать кино не для чужих

глаз, зачем множить количество недопонявших, пусть будет один такой – ты. Ты ведь тоже ничего не поймешь, как ни стараешься.

Он наткнулся на адресную книгу, увидел телефон жены, как некстати и как вовремя. Снова посмотрел смски, его поздравления с праздниками, ее скупые ответы, она всегда находила время написать ему хотя бы пару слов, ведь он так осчастливил ее, освободив от себя. Кривая улыбка не сходила с его рта, вот что нужно снимать, и пусть зритель думает, что же у героя там, в телефоне, что заставляет сердце замирать и разгоняться вновь, все это видно по его то сужающимся, то увеличивающимся зрачкам, как время мучительно трудно прокладывает мосты через реку забвения, эти мосты из серого, душанбинского воздуха, выходящего из его ноздрей, он как бык перед корридой, знает, что умрет и бросается на время, не дождавшись его призыва, но все напрасно. Время бессмертно. Мосты из воздуха рухнули, весь снятый материал уничтожен.

Он улетает из Душанбе, так ничего и не сняв. Садясь в самолёт, он пишет смску сыну о том, что любит его. В первый раз формулируя это. Вот так просто и мелодраматично, но, кто знает, вдруг время захочет призвать своего промежуточного подопечного именно в этот промежуток, когда он зависнет между небом и землей. Пусть признание будет сказано до, ещё на земле, пусть и чужой. Сын ответил сразу, сказал, что «тоже любит», потом спросил «как сам», отец рассказал в двух словах о том, как он сам с усами, о Душанбе, о не снятом фильме не говорил, зачем, и так список не сделанного (в глазах сына) полон другим, более весомым, сын пообещал встретить отца по прилёту и довести до дома, благо завтра у него выходной.

- Как отдохнул? Чего это ты вдруг решил?
- Ты знаешь, хорошо. Места молодости. Даже какие-то друзья нашлись, ну, как друзья. Я-то их не помню, а они меня – да. Странно, забавно это всё.
- Ты какой-то разобранный.
- Ну да. Перелёт, наверное. Да и вообще. Время такое. Как тут ещё.
- Здоровье как? Не болит ничего.
- Болит, но это нормально. В моем возрасте тем более. Что все обо мне, как у тебя?
- Лучше не спрашивай. Все по силам.

Он мог бы вставить этот диалог с сыном в свой будущий (когда-то) фильм, но он всеми силами сопротивлялся снимать фильм о себе, и так и не снял его.

Как хорошо, что у него есть сын.

Как хорошо, что что-то все-таки остаётся и не входит в финальный монтаж.

Как хорошо, что время не говорит, когда оно призовет нас, и мы не теряем интереса к процессу жизни (есть исключения, и их много), и страха тоже не теряем, порой он полезен, в малых терапевтических дозах.

Как хорошо, что что-то рождается, зреет внутри и выходит наружу тогда, когда мы совсем не ждём этого.

Как хорошо, что мы не разучились плакать, помнить, забывать и вспоминать снова, смотреть на горы, лететь вниз с этих гор, разбиваться вдребезги, потом собираться у подножья в нечто целое и снова подниматься вверх в точку, откуда было совершено падение.

Как хорошо, что кино ещё не снято.

Как хорошо, что земля имеет удивительную способность дышать и говорить этим дыханием с нами, как хорошо, что когда-то нам все-таки удаётся перевести это дыхание на наш, человеческий, язык и что-то понять. Вот только мы неучи, не молодые, не старые, промежуточные, все, зависшие между знанием и незнанием, верой и равнодушием,

мыслью о скором конце и сладкой грезе о возможном начале всего с чистого листа, с первого, не замутнённого кадра.

Как бы взять и всё переснять, переписать заново.

Невозможно. Пыльно. Снято. Смена окончена.

16 октября 2022 г.

Душанбе-Иерусалим